

ВОЙНА ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗН. ПРОДАЖЪ 25 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 30 К. НОВЫЙ САТИРИКОН

1
306
1917

№ 8

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917
16 ФЕВРАЛЯ

30 К.
АНТИФАШИСТСКОЕ
НА СТАНЦИИ

НЕ ТЕРЯЕТЪ ДАРОМЪ ВРЕМЕНИ.
Въ прошное воскресенье.
Купецъ: — Прости ты меня, окаяннаго!..
Гражданинъ: — Простить-то я тебя прощу, а только
зачѣмъ ты въ это же время у меня подметки сръзываешь?!

ПИТАТЕЛЬНОЕ БЛЮДО.

Инспектор (ревизующий германскія войска): — Вы нынче ѣли что-нибудь, ребята?

Солдаты: — Такъ точно. Глазами начальство.

РОЖДЕНИЕ МЕРТВЕЦА.

Протяжный, немощный, безслѣдный,
Склоняя ницъ свой тусклый ликъ, —
Февральскій день, какъ призракъ блѣдный,
Надъ соннымъ городомъ возникъ...

Молчать глухія стѣны зданій,
Спать переулки въ снѣжномъ снѣ,—
Ни словъ, ни пѣсень, ни рыданій
Не слышно въ мертвой тишинѣ.

И, весь дымясь заводской сажей,
Въ морозныхъ иглахъ странно бѣлъ,—
Какъ будто самый воздухъ даже
Вокругъ меня заплѣсневѣлъ.

Борисъ Авилловъ.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Литературный календарь.)

1907 г.

... Зналъ, что если бросить бомбу, то будетъ страшно и тяжело; весь міръ искривится въ удивленную гримасу, и по лицу земли потянутся зловѣщія тѣни. И, все-таки, Генрихъ чувствовалъ, что это должно, что это неизбежно и что если онъ не сдѣлаетъ этого, то сама бомба, мощная и одушевленная, внутренне-душевная и таинственная, броситъ его самого, — и изъ его рта, изъ ушей, изъ его носа, посыпятся искривленные гвозди.

— Бросите? — спросила Ирина, и въ этомъ вопросѣ отозвалось эхо небытія.

Товарищъ Генрихъ курилъ папиросу.

1908 г.

См. 1907 г.

1909 г.

Онъ указалъ ему на дремлющій домъ, на фронтонъ котораго было начертано: «Баня». И тихо шепталъ ему на ухо колдовскія странныя рѣчи... Обѣщалъ тонкія, возвы-

шенныя, далекія отъ земныхъ ощущенія... Юноша вспыхивалъ отъ ужаса и какого-то страннаго восторга. Въ банѣ было жарко, душно, натоплено.

— Ты — Ганимедь, — страстно шепталъ Анатолю.

1910 г.

— Хотите безумствовать?

Вопросъ Бутылкина заставилъ Елену почувствовать во всемъ своемъ тѣлѣ властные зовы Діониса. Казалось, что весь міръ утонулъ, и осталась только луна и жаркія, жесткія, ищущія губы.

Бутылкинъ прижалъ ее къ себѣ, и когда она, наивно-безстыдно ласкала этого большого сильнаго человѣка, ея пенснэ, безпомощно дергавшееся на шнуркѣ, плотскимъ упрекомъ уцѣпилось за одну изъ его пуговицъ.

— Здравствуй, Даная, — сказалъ Бутылкинъ

1911 г.

Ванька Свищъ не любилъ политическихъ.

— Суеты много, — говорилъ онъ, ежась и кряхтя.

Съ народомъ оно, знаете, какъ-то легче.

Были у него жилистыя красныя руки и добрые, предобрые глаза; не то испуганные, не то наивные, словно этотъ большій несуразный человѣкъ чему-то въ дѣтствѣ удивился и такъ и остался на всю жизнь недоумѣвающимъ, непонятливымъ и удивленнымъ.

1912 г.

Вся деревня была пьяна. Казалось, что самый воздухъ кто-то отравилъ винными парами, что пьяны пашни и луга, и даже толстыя коровы и медлительные брюзжащіе быки хватили хмельного и пустятся сейчасъ въ плясъ, топча и раздавливая озвѣрѣвшихъ людей. По главной улицѣ шатались и переругивались прохожіе, скверными словами ругалась рябая баба, растерзанная, смятая и отвратительная въ своемъ безстыдствѣ. На лугу пили водку блѣдные нездоровые подростки; и глаза ихъ, красные и напряженные, говорили о траурѣ и печали народа.

— Пойдемъ, Сенька... Убьемъ старосту, возьмемъ его деньги. А жену и дочку...

— Хи-хи.

Смѣялись гнилымъ страшнымъ смѣхомъ.

1913 г.

... Почему я могу убить губернатора? Почему? Развѣ все позволено? Значитъ, позволена и жизнь и смерть? Да, все позволено. Все? Рѣшительно все? Ты ехидный, ты пугаешь меня. Все позволено? — онъ захохоталъ страшнымъ, пугающимъ смѣхомъ.—Все позволено! Значитъ, можно убить губернатора? А акушерку Сарру Лившицъ тоже можно убить? Можно?..

Онъ приготовилъ револьверъ; провѣрилъ обоймы. Онъ зналъ, что правда не здѣсь, что нѣтъ празды въ убійствѣ, что губернаторъ такъ же святъ, какъ и онъ самъ, какъ товарищъ Петръ, разорванный въ прошломъ году при изготовленіи снаряда, какъ Сарра Лившицъ, стрѣлявшая въ исправника. Онъ зналъ, что нельзя убивать, что не надо стрѣлять въ губернатора, что вся жизнь ложна. Онъ разорвалъ эрфуртскую программу и выстрѣлилъ въ високъ. Себѣ.

1914 г.

Лейтенантъ Карлъ Шумахеръ сразу узналъ плѣнника.
— Ха-ха-ха! — засмѣялся онъ дикимъ, животнымъ смѣхомъ, — вы, англичанинъ Гарри Виски? Я взялъ у васъ въ прошломъ году въ Парижѣ четыреста франковъ и не вернулся. Кромѣ того, я укралъ у васъ часы, два брелока, серебряный портсигаръ и эмалированную пепельницу.

— Вы правы, — сказалъ плѣнникъ.—Вы украли у меня часы, портсигаръ, пепельницу и пятьсотъ франковъ.

— Разстрѣлять, — сухо приказалъ лейтенантъ.

Вдали грохотала канонада...

1915 г.

И когда Вася Смирновъ, этотъ самый обыкновенный, такой штатскій, такой мирный Вася Смирновъ очнулся въ окопѣ и въ первый разъ услышалъ, какъ угрюмо и настойчиво татакалъ пулеметь, словно гдѣ-то далеко, можетъ быть, даже на другой планетѣ, кто-то стучалъ на швейной машинѣ, Вася Смирновъ понялъ, что сейчасъ произойдетъ что-то большое и важное.

Было на душѣ его странно и ново, и чувствовалъ онъ превеликую всечеловѣческую нѣжность къ бородавчатому фельдфебелю, у котораго длинные усы и дома въ деревнѣ жена Авдотья.

Вася Смирновъ первымъ вскарабкался на брустверъ германскаго окопа.

1916 г.

Блиндажъ наскочилъ на мину. Саперы бросились на дредноутъ, и скоро вся мѣстность пылала какъ въ огнѣ. Дирижабль медленно ползъ по извилистымъ ходамъ сообщенія, а драгунскій капитанъ безстрашно велъ свою дивизию на засѣвшую въ лѣсу, рядомъ съ паражемъ, германскую сумбарину. Свистѣли пули, рвались пропеллеры, и темными дымными облаками, медленно изгибаясь, ползли чемоданы.

Крейсеръ былъ отброшенъ къ понъ-де-тету, и три батальона взяли на абордажъ подбитый «таубе».

Систематезироваль: Бор. Мирскій.

ХВОСТЪ-РАЗЛУЧНИКЪ.

Романсъ.

Я помню чудное мгновенье:

На шумномъ берегу Невы,

Какъ мимолетное видѣнье,

Въ мясномъ «хвостѣ» мелькнули вы.

Потомъ пришло очарованье —

Волшебный даръ моей мечтѣ:

Вы мнѣ назначили свиданье

Въ яично-масляномъ «хвостѣ».

Такъ дивно-сладко быть во власти

Любимыхъ душъ, любимыхъ тѣлъ!..

Въ завѣтный часъ на крыльяхъ страсти

Я на свиданье прилетѣлъ.

Но — ахъ! — вы 245-й

Въ «хвостѣ» торчали, ангелъ мой,

А я, въ укоръ судьбѣ проклятой,

Былъ 377-й...

Толстякъ съ мясистой красной шеей,

5 бабъ, солдатъ, художникъ, басъ

Неодолимою траншеей

Разъединяли прочно насъ.

О, какъ я жаждалъ въ чувствѣ пылкомъ
Съ ноги своей галошу снять
И грозно шлепать по затылкамъ
Разлучниковъ тупую рать!

Не смѣлъ. И пламя сердца гасло

Средь неприятностей земли...

Часы неслись. Вамъ дали масло —

И вы такъ радостно ушли.

А черезъ день вы мнѣ шепнули:

— Въ капустный «хвостъ» придите въ 5!

И этимъ въ душу мнѣ вдохнули

Надежды свѣтлыя опять...

Но злобный рокъ — ему проклятья! —

Давилъ меня, какъ тяжкій прессъ:

Не могъ, увы, васъ разыскать я

Въ километрическомъ хвостѣ-съ!!

И я ушелъ... Текли недѣли.

Я не встрѣчалъ васъ больше вновь

Ни въ хвостикѣ для вермишели,

Ни во хвостицѣ на морковь.

Но вотъ вчера... вчера неожиданно,

Хвостясь на булку въ злую мглу,

Я снова васъ увидѣлъ, Анна,

715-й въ тылу.

И вновь судьба ко мнѣ сурова! —

Вамъ руку жалъ красавецъ Фостъ...

Довольно мукъ: сейчасъ безъ слова

Пойду и стану въ яднѣй хвостѣ!..

Доль.

Рис. В. Л.

— Вчера случилась желѣзнодорожная катастрофа.

— Что вы?! Какимъ образомъ?

— Очень просто: моя теща ко мнѣ пріѣхала по желѣзной дорогѣ.

(Изъ старыхъ журналовъ.)

Въ послѣднее время сатирическіе журналы, вмѣсто политики, стали писать о тещѣ.

(Такъ себѣ, простое наблюденіе.)

ВЪ ИГРУШЕЧНОМЪ МАГАЗИНѢ.

Приказчикъ. — А вотъ для вашей дѣвочки хорошая игрушка: тещинъ языкъ.

Редакторъ сатирическаго журнала (уныло). — Нѣтъ, это скорѣй для меня.

Старожилы, конечно, еще запомнят такую обычную сценку:

— Здравствуйте, дорогой. Гм!..
— Здравствуйте, здравствуйте! Что скажете?
— Да я, собственно, такъ зашелъ. Кхе, кхе! Гм, мг!..

хррр.

— Кашель?

— Нѣтъ.

— А что?

— Просьба.

— Такъ-съ. (Молчанье. Холодъ. Дуетъ рѣзкій ледяной вѣтеръ. Черныя тучи.) Просьба! Такъ-съ, тѣкъ-съ, тѣкъ-съ. И о чемъ же-съ?

— Этого... Гм, мг!.. Вы, Михаилъ Семеновичъ, знаете, конечно, меня давно, и знаете, что я, какъ это говорится, свиньей никогда не былъ. И конечно, если бы не такія свинячьи обстоятельства, то... Однимъ словомъ, обѣщайте, что исполните мою просьбу.

— Какъ же это такъ — обѣщайте, когда я не знаю, въ чемъ ваша просьба будетъ заключаться. А вдругъ, представьте, вы попросите меня, чтобы зарѣзать вашего отца, или взорвать адмиралтейство. Никакъ не могу-съ. (Вѣтеръ тоскливо завываетъ въ ледяной пустынь. Острыя холодныя иглы льдистаго снѣга безжалостно колютъ лицо...)

— Нѣтъ, зачѣмъ же адмиралтейство. У меня, этого... Однимъ словомъ, скажу прямо... Бухнусь, такъ сказать, головой внизъ съ крутого берега... Однимъ словомъ: дайте мнѣ займы три рубля!..

— Голубчикъ мой, что вы! Откуда? Гдѣ я возьму вамъ три рубля? Вѣдь такъ одному дай три рубля, другому три рубля — такъ и самъ съ рукой пойдешь. Будь у меня еще денежный заводъ какой-нибудь, или будь я Ротшильдомъ.

— Послѣзавтра отдамъ. Ей-Богу.

— Знаю, дорогой! Вѣрю. Прекрасно это все соображаю. Но не могу же я эту требуемую сумму изъ воздуха, какъ нѣкій фокусникъ — эйнъ-цвей-дрей — сотворить. Да вы какъ-нибудь до послѣзавтра перебейтесь.

ИСКУССТВО ДА

(Mod

Фельстонъ Арк.

— А, значить, послѣзавтра... (легкая радость; надежда. Показывается кончикъ голубого неба.) Значить, дадите... послѣзавтра?

— Нѣтъ, я, конечно, не дамъ, но вы же сами говорите, что послѣзавтра отдадите — значить, у васъ будутъ.

— А-а...

— Вотъ вамъ и а-а. Бе-е-е. Прощайте. Прощенья просимъ.

А теперь?

Теперь пошли другія времена, другія пѣсни. Другой народъ пошелъ.

Здравствуй племя молодое,
Незнакомое,

Вы встрѣчаете его у «Медвѣдя» или на премьерѣ нашу мѣвшею пьесы. Чудесно сшитый жакетъ, фракъ, въ петлицѣ орхидея, гладко-выбритое пышущее здоровьемъ и радостью жизни лицо. Ласковъ. Широко. Размашистъ.

НАЗИДАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Въ прежніе годы...
Туда — онъ шель съ толстымъ распухшимъ портфелемъ.

Оттуда — съ похудѣвшимъ, но в-е-таки жить было можно.

ВАТЬ ЗАЙМЫ.

ерпе).

Аверченко.

Восторженно привѣтствуетъ васъ:
 — А-а! Безумно радъ.
 — Здравствуйте... Какъ дѣла?
 — Да пожаловаться не могу.
 — Говорятъ, хорошо зарабатываете!
 — Зарабатываю. А что?
 — Ничего, я такъ.
 — Вы не примите за худое, но, можетъ быть, вамъ, этого... Кхе-кхе...
 — Чего?
 — Можетъ, деньги нужны?
 — Нѣтъ, зачѣмъ же.
 — Возьмите, чего тамъ. Эти сторублевки такъ оттопыриваютъ карманъ, чтобъ имъ лопнуть. Возьмите десятокъ, а?
 — Для чего же? У меня есть деньги.
 — Ну, что жъ, что есть. Больше будетъ. Возьмите до послѣзавтра.
 — Что за смыслъ? Сегодня братъ, послѣзавтра отдавать.
 — Ну, не отдавайте, чужакъ. Это вѣдь такъ говорится.
 — Нѣтъ, спасибо. А видно, что у васъ много денегъ?

— Да, признаться... И чортъ ихъ знаетъ, откуда онѣ только берутся. Будто денежный заводъ. Ну не тысячу, хоть пятьсотъ возьмите.
 — Простите, но мнѣ, право, странно...
 — Ну, не буду, не буду. Петенька, ты? Здравствуй! Какъ поживаешь?
 — Плохо, братъ.
 — А что? Можетъ, деньги нужны?
 — Нѣтъ. Съ почками у меня не ладно.
 — Ну, это я не могу. Да, Петенька! Ты знаешь Козубовича?
 — Слегка. А что?
 — Да вотъ просилъ онѣ передать тебѣ тысячу рублей. Возьми, потомъ отдашь.
 — Козубовичъ? Мнѣ?! Съ какой радости?
 — Не знаю. Мое дѣло передать. А ты у него спроси.
 — Чудеса! Пусть пока у тебя полежать, а тамъ, когда наведу справки...
 — Нѣтъ, ужъ зачѣмъ онѣ будутъ мнѣ карманъ зря оттопыривать. Получай!
 — Да мнѣ не нужно — вотъ чужакъ!
 — Ага... Кстати... Тебѣ нравится мой бумажникъ? Посмотри, правда хорошій? Да ты не бойся, чудачина, возьми въ руки...
 — Постой! Куда жъ ты убѣгаешь?! Возьми обратно свой бумажникъ!!! Убѣжалъ... Нѣтъ, я таки догоню его и бумажникъ ему канальѣ, верну!!

Можетъ быть, пока что, это немного и не такъ, но это почти такъ.
 Много денегъ — это все равно, какъ полнокрое. Если изрѣдка не ставить пъявокъ и не пускать кровь — можетъ хватить ударъ.

Арк. Аверченко.

САТИРИКОНСКАГО ПОРТФЕЛЯ.

Теперь...
 Онъ идетъ, какъ агнецъ на закланіе, дрожащими руками держа отошавшій портфель.

Тоскуетъ въ тиши, плачетъ...
 И изрѣдка онъ кое-о-чемъ подумываетъ.

К О В Е Р Ъ.

Ө. Д.

Персидскій коверъ у васъ на стѣнѣ
Зоветь къ мечтамъ о пышномъ Востокѣ.
Яркихъ узоровъ затѣйныя строки
Звучать только мнѣ.
Разказали о кофе, пряномъ и пьяномъ,
О желтомъ изюмѣ на пестромъ блюдѣ...
Въ углу, вашего низкаго и широкаго дивана
Я хотѣла бы заснуть и ночью проснуться.
Тогда бъ я навѣрное услышала,
Какъ звенять ожерелья смуглыхъ гурій,
Какъ шелестятъ и вѣютъ ихъ опахала
Вокругъ васъ, лежащаго на тигровой шкурѣ.
Въ чудесный узоръ ковровой пряжи
Вплелись вашихъ сновъ златозвонныя нити,
И вашъ коверъ обо всемъ мнѣ разкажетъ,
Даже о томъ, о чемъ вы молчите.

Лидія Лѣсная.

Д В Ъ Ш К О Л Ы.

— Вотъ идетъ дядя Кока, я все расскажу ему. Срамъ какой, не хочетъ учиться...

— Кто не хочетъ учиться? — спросилъ дядя Кока, входя въ столовую. — Здравствуйте, милая! Здорсьо, клопъ! — Дядя взялъ племянника за ухо и сказалъ, смѣясь: — Удивительное совпаденіе: и я Кока, и ты Кока. Не понимаю, какъ это насъ не смѣшиваютъ. Впрочемъ, у тебя нѣтъ еще усовъ. Ну, слава Богу, нашли разницу. Какъ дѣла?

— Хо-ро-шо, — сказалъ Кока, улыбаясь.

— Не очень-то хорошо, лѣнимся мы... — проворчала Кокина мама.

— Неужели? Странно, странно... Въ кого же это ты пошелъ, паренекъ? Ни папа твой, ни дѣдушка, ни прадѣдушка не были лѣнтяями. Напротивъ...

— Я не лѣнюсь, дядя Кока. Мнѣ скучно...

— Скууучно? А который тебѣ годокъ?

— Семь.

— И ты уже разочаровался въ жизни и скучаешь? Ну, молодежь пошла... Но, вѣдь ты, тараканъ, еще и не нюхалъ жизни. Любилъ ты, напримѣръ, безумно, страстно?..

— Не болтайте глупостей, — сказала мама. — Займитесь лучше съ нимъ.

— Можно. Это что, ариѳметика? — дядя развернулъ задачникъ и сталъ его просматривать. — Неудивительно, что мышенокъ скучаетъ... Отъ такихъ задачъ самый жизнерадостный организмъ заплачетъ. Откуда вы выцарапали этотъ задачничекъ, а? Дайте мнѣ адресъ составителя, я его убью. Кто онъ? — дядя взглянулъ на обложку. — Ааа, инициалы!.. То-то же... Кока, не рѣшай этихъ задачъ!..

— Мама заставляетъ.

— А ты протестуй!

— Николай Владиміровичъ!.. вы портите ребенка.

— Не знаю, кто изъ насъ его портитъ. Вы вотъ послушайте! Задача № 47. «Отъ фундамента до фронтона дома 6 саженой, а отъ фронтона до верхушки флагштока 2 сажени. Сколько саженой отъ фундамента до верхушки флагштока?» Что это: измѣна или глупость, какъ говорятъ въ Гос. Думѣ. Бѣдный ты мой, поросеночекъ... — дядя обнялъ Коку. — Ты знаешь, что такое фронтонъ?

— Нѣтъ.

— А флагштокъ?

— Нѣтъ.

— Прекрасно. А вотъ еще задачка. «Черезъ канцелярію въ теченіе дня прошло 26 входящихъ бумагъ и 14 исходящихъ. Сколько всего бумагъ прошло черезъ канцелярію въ теченіе дня?» Это прелестно!.. И вы еще удивляетесь, мадамъ, что нашъ ангелочекъ лѣнится. Бѣдное дитя!.. Конечно, разочаруешься въ жизни при такомъ воспитаніи. Я удивляюсь, какъ это онъ еще до семи лѣтъ дотянулъ. Я на его мѣстѣ на вторсмихъ годочкѣ удавился бы... Боже мой! Если не умѣете, не дано вамъ, такъ и не беритесь. Зачѣмъ же уголовать молодую душу, обрывать лепестки на распускающемся цвѣточкѣ? «Входящія и исходящія»... Ха-ха!.. Вѣдь это же кошмаръ!.. Вѣль вы пылью, густою, сѣрой пылью покрываете цвѣтокъ!.. Милый, голубчикъ мой, брось, не учишь, не слушай маму! Да, да, моя дорогая, я каждый день буду повпорять это ему...

— Спасибо, — кротко пролепеталъ Кока.

Кокина мама порывисто встала и, красная, взволнованная, крикнула фальцетом:

— Вы вот родите и тогда воспитывайте! . Посмотримъ, какъ вы будете воспитывать своихъ . . .

— Ха-ха-ха! Такъ я и зналъ . . . Господи, хотя бы на пятакъ оригинальности. Въдь всѣ, рѣшительно всѣ матери говорятъ въ такихъ случаяхъ то, что сказали сейчасъ вы . . .

— Вы зато оригинальны . . .

— Ну, ладно. Не будемъ ссориться. Вы вотъ сказали: «посмотримъ, какъ вы будете воспитывать». Смотрите же!.. Иди сюда, милый! — Дядя погасилъ верхній свѣтъ, въ комнатѣ стало уютно. — Иди ко мнѣ, малютка! . . . Дядя сѣлъ на диванъ привлекъ къ себѣ Коку и обнялъ его. — Боже мой, какой ты худенькій. Тебѣ не учиться, а рыбій жиръ надо глотать цѣлый день. А то ты вмѣсто школы въ гробикъ попадешь . . . Хочешь въ гробикъ?

— Нѣбѣтъ . . . — засмѣялся Кока.

Кока страшно любитъ такіе разговоры съ дядей.

— А пороться хочешь?

— Хочу, — сказалъ онъ задорно.

— Хорошо, я тебя выпорю послѣ дождичка въ четвергъ; а сейчасъ расскажу, какъ другихъ порютъ. Слушай! Жили братъ и сестра. Маленькіе. Дѣти значить. Да . . . Ну, и были они дрянныя дѣти. Шалили, дрались, портили вещи . . . И ихъ за это драли каждый день . . .

Кока улыбнулся.

— Каждый день?

— Угу. И не разъ. Дѣвчонку два раза, а брата ея, шлопая . . . — дядя задумался.

— Сколько? — затаивъ дыханіе, спросилъ Кока.

— Пять разъ! — выпалилъ дядя.

Кока завизжалъ, захрюкалъ отъ восторга.

— Пять разъ! Ха-ха-ха! Слышишь, мамочка? Дѣвочку пороли два раза въ день, а мальчика пять разъ . . .

— Теперь дальше. Пороли ихъ здорово, пока розга не измочалится. А розги теперь дорогія, двѣ копейки штука . . .

— Двѣ копейки?

— Да. Спрашивается, сколько тратили въ день на порку дѣтей. Вотъ тебѣ задача, рѣши ее!

Глаза у Коки заблестѣли, онъ радостно захопалъ въ ладоши и, соскочивъ съ дивана, запрыгалъ по комнатѣ.

— Я знаю, знаю, сколько . . . Дѣвочкины розги стоятъ 4 копейки, а мальчишкины . . . 10 копеекъ. А всего 14 копеекъ.

— Молодецъ! . . . Да швейцару, который поретъ шалунновъ, уплачиваютъ ежедневно 20 копеекъ. Сколько же тратятъ бѣдные родители на дранецъ своихъ дѣточекъ?

— 20 да 14 будетъ 34.

— Слышите, мадамъ? — спросилъ дядя маму.

Мама не отвѣтила.

— Затай еще задачку, дядя!

— Хочешь, значить, учиться?

— Ну, ясно! . . . — Кока запрыгалъ.

— Ну, вотъ еще. У дворника въ кошелекъ было 80 копеекъ. 50 копеекъ онъ истратилъ на ханжу. Знаешь, что такое ханжа?

— Знаю. Плохая водка.

— Правильно. Напился дворникъ ханжи и попалъ подъ трамвай; его разрѣзало пополамъ . . .

— Перестаньте! . . . — крикнула мама, бросая газету, которую читала. — Вы говорите гадости . . .

— Мадамъ, не волнуйтесь . . .

— Не называйте меня «мадамъ».

— Эээ! . . .

— Кока, иди въ дѣтскую!

— Я хочу заниматься съ дядей.

— Кому я сказала? . . .

— Ну иди, иди, полубчикъ! . . . Мы завтра рѣшимъ эту задачу . . .

Кока, плача, убѣжалъ въ дѣтскую.

— Не ревѣть! . . . — крикнула вслѣдъ ему мама и погрузилась въ газету.

Наступило тяжелое молчаніе. Дядя вздохнулъ нѣсколько разъ и сказалъ тихо:

— Если я васъ обидѣлъ, простите . . .

— Вы меня ничуть не обидѣли, но нельзя такъ обращаться съ ребенкомъ.

— Нельзя покупать задачникъ съ «входящими и исходящими бумагами» . . .

— Нельзя выдумывать задачи о поркѣ и ханжѣ . . .

— Это шутка. А учить надо, шутя. Доказательства этого налицо: у васъ онъ лѣнитъ и плачетъ, а у меня хо-

хочетъ и самъ просить еще задать задачу. Вы не обижайтесь на меня, голубочка, и не ревнуйте къ Коку. Я люблю его, и мнѣ хочется, чтобы онъ выросъ бодрымъ, веселымъ, легкимъ человекомъ. Скучные, тяжелые люди раздавили жизнь. А легкихъ такъ мало . . . Надо людей съ пеленокъ окружать радостнымъ смѣхомъ, и тогда они будутъ легки и прекрасны. Я хочу . . .

— Ахъ, дѣлайте, что хотите! . . . — мама шумно встала изъ-за стола и ушла въ кухню.

— Ко-ка! . . . — тихо позвалъ дядя.

Быстро и легко пронесся черезъ столовую заплаканный Кока и повисъ на шеѣ у дяди. Въ омытыхъ слезами глазенкахъ уже загорался смѣхъ . . .

Николай Бреневъ (В. Черній).

ПРИ БЛИЗОРУКОСТИ.

— Это твоя такая карточка? . . . Ну, знаешь, ты совсѣмъ тутъ не похожъ.

— Еще бы! Въдь это моя карточка на сахаръ . . .

В.

Г О Н О Р А Р Ъ .

Будничная улица. Сѣрый домъ.

Прихожу и получаю деньги за работу.

А я хотѣла бы, чтобы ночью у волшебнаго грота,

Золото дарилъ мнѣ старый гномъ.

Или вдругъ — таинственный садъ . . .

Зарыть кладъ . . .

Мы съ гномомъ заступъ беремъ

И съ потайнымъ фонаремъ

Рыщемъ, роемъ — и находимъ золота груды,

Яхонты, опалы, изумруды! . . .

На зарѣ я прощаюсь съ гномомъ старымъ —

И съ тѣхъ поръ всѣ стихи печатаю даромъ.

Лидія Лѣсная.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

(Иллюстрированыя.)

До сихъ поръ гордая красавица Одесса царилъ въ области плохого безграмотнаго русскаго языка.

Но красавцу Киеву показалось обидной такая монополизация красавицей Одессой исковерканнаго русскаго языка, и красавецъ Кіевъ шегольнулъ недавно такой фразочкой на благотворительномъ жетонѣ, что красавица Одесса можетъ вспыхнуть, какъ маковъ свѣтъ и, потупившись, пролететь:

— Ахъ, какой вы кавалеръ! Развѣ можно такъ выражаться?

„Сборъ для побѣды врага“.

„Сатириконъ“ на дняхъ организовываетъ сборъ на предметъ безплатнаго снабженія кіевскихъ меланезійцевъ учебниками начальнаго русскаго грамматика.

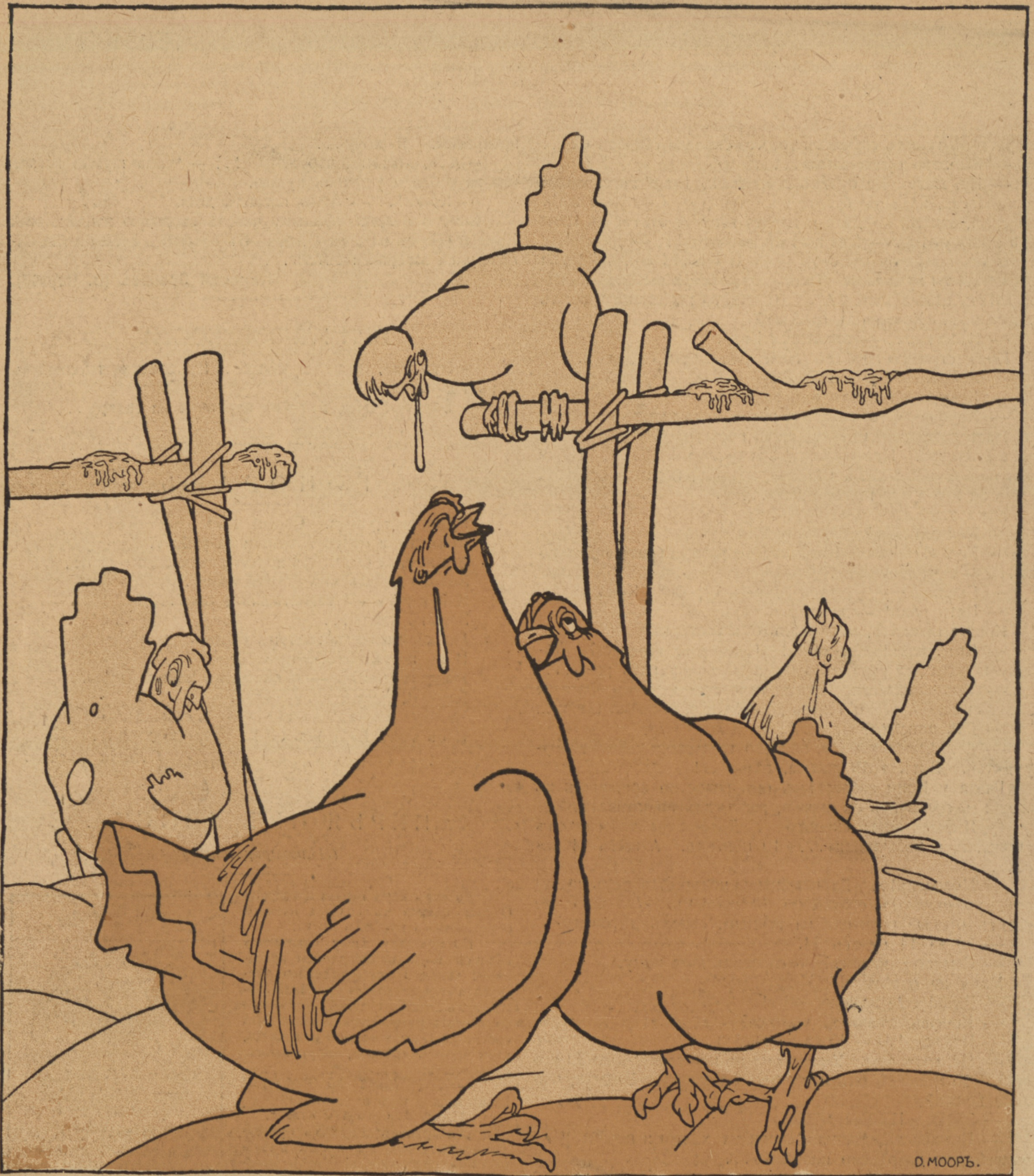
„Синій Журналъ“ поставилъ рекордъ сенсаци: онъ помѣстилъ на своихъ страницахъ портретъ того самаго башмака, который принадлежалъ убитой въ севастопольскомъ отелѣ „Бель-Вю“ А. Вяземской.

Конечно, башмакъ этотъ — вещь чрезвычайной важности, вещь, могущая на одну минуту заслонить всѣ интересы войны, но . . . пусть читатели обратятъ вниманіе на внѣшній видъ башмака.

Оказывается синежурнальные сенсаци просты, какъ палецъ. Стоитъ вырѣзать изъ стараго обувнаго преискуранта рисунокъ дамской туфли и, даже не потрудившись надъ приданіемъ ей вида уже ношеной туфли, тиснуть въ журналъ.

Мы, можетъ быть, слишкомъ часто возвращаемся къ „Синему Журналу“, но въ этомъ нашемъ вниманіи нѣтъ никакого пристрастія . . . Просто мы все еще не можемъ отвыкнуть отъ уваженія къ печатному слову, и всѣ эти глупыя разсчитанныя на довѣрчи ость читат ля сенсаци, въ родѣ преискурантнаго башмака, вся эта свистопляска у трупа погибшей женщины — заслуживаетъ самаго жестокаго клейма.

О Н А П Р А В А.

- Какъ?! Меня хотятъ зарѣзать? Но вѣдь это безуміе?! Зарѣзать курицу, несущую золотыя яйца!
— Какія жъ они золотыя, твои яйца?
— Ну, конечно! Вѣдь они продаются теперь по два рубля десятокъ!

Э М М А Н У И Л Ъ К А Н Т Ъ.

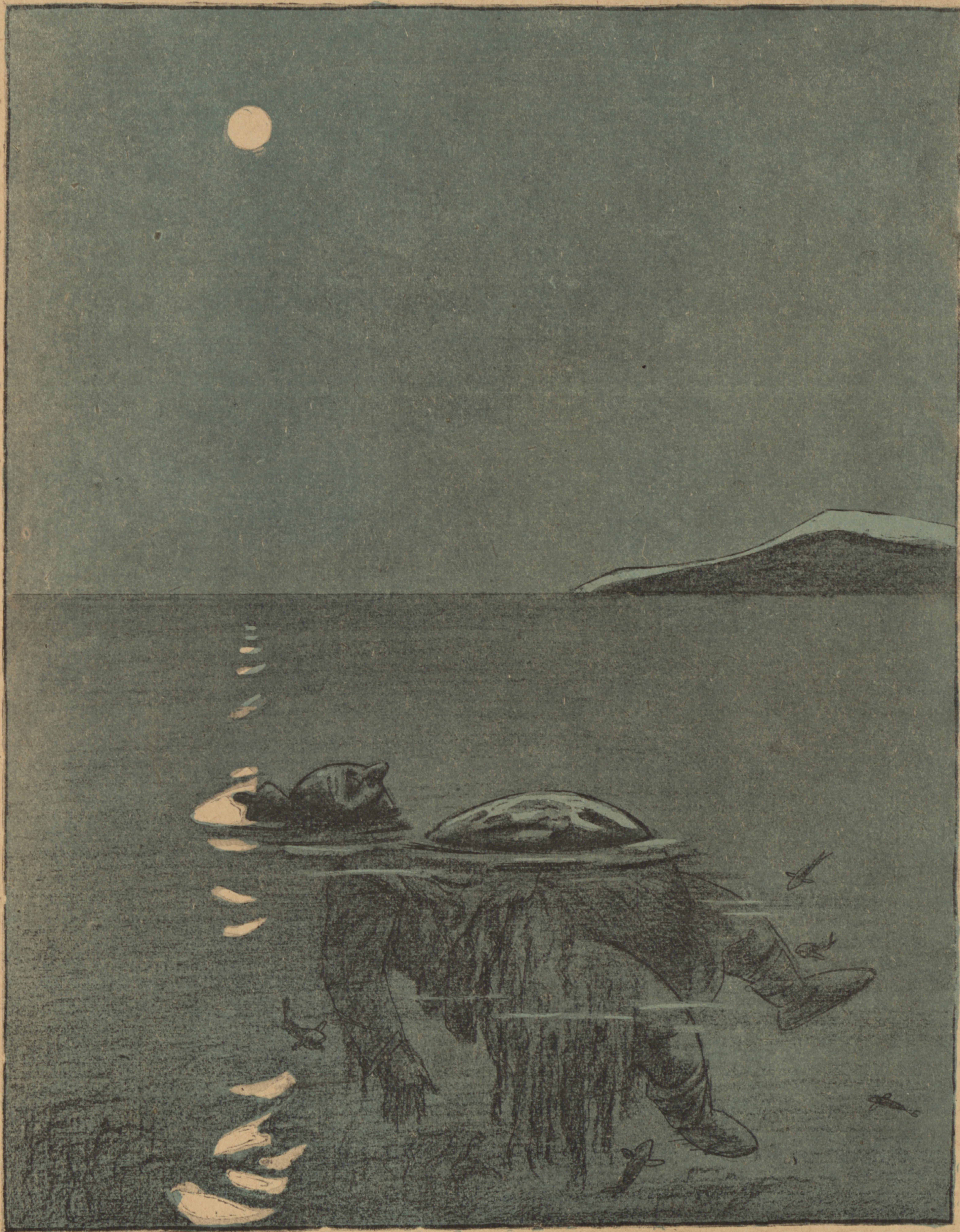
(Пародія на себя.)

Кухарка Домна возлежитъ ничкомъ
На кровати зъ большомъ размышленіи...
Гимназистъ Вася, съ другимъ ученикомъ,
Бурлыкая про всякое ученіе,
Сказаль: «На толкучкѣ продавался Кантъ,
И я купилъ его за три съ полтиною».
Кухарка Домна на огромный бантъ
Покупала ленту двухъ-аршинную,
И то заплатила въ лавкѣ два рубля,

А кантъ... кантикъ... на толкучкѣ и такъ дорого!
Ей сидѣть бы теперь да гадать на короля,
Да на пикахъ искать своего врага,
Но не можетъ: въ груди ея горитъ, какъ бриллиантъ,
Жажда всепознанія... И въ темной комнатѣ
Лежитъ, одинокая... Надъ ней рѣетъ Кантъ...
Вотъ и кухарка Домна те!

Ал. Вознесенскій.

ОТВѢТЪ „НОВ. САТИРИКОНА“ НА РИСУНОКЪ ШУЛЬЦА ВЪ „SIMPLICISSIMUS'Ъ“
„БУДУЩЕЕ АНГЛИ“.

БУДУЩЕЕ ГЕРМАНИИ НА ВОДѢ.

1) — Гм! Вводится по-
доходный налогъ...

2) Чтобы имъ та-
кое показать?..

3) Покажу по-
меньше.

4) — Ну-съ... А
теперь пусть взы-
скиваютъ!

5) Ловко
устроился.

6) Полисмень? Гм. А
вдруг онъ замѣтитъ по
мнѣ?

7) Господи, про-
неси!

8) — Фу-фу! Ей-Богу
жутко. Не вышло бы
чего?

9) Въ ресторапъ даже
аппетитъ пропаль.

10) О, Боже! опять по-
лисмень?!

11) Господи, какъ мнѣ
страшно!..

12) И тутъ полисмень?!
Сдѣлаемъ веселое лицо...

13) О, Боже! Какія
муки.

14) — Дитя мое! По-
чему ты показываешь эту
ужасную игрушку?!

15) Ложится спать въ
угнетенномъ настроеніи.

ВОЛЧЬИ ЯГОЛЫ.

Атавизмъ.

Конецъ...

Мы уже сдѣлались не обыкновенными людьми, а туземцами.

И, какъ всякіе туземцы, стали заниматься мѣновой торговлей. Стрѣльба изъ лука, освѣщеніе домовъ лучиной и мѣновая торговля — суть наша настоящая жизнь:

Рязань. Лучшимъ показателемъ отсутствія въ деревнѣ фабрикатовъ могутъ служить такія, наиримѣръ, сцены, наблюдаемыя часто на сельскихъ базарахъ Рязанской губерніи:

Крестьянка продаетъ курицу или гуся. За курицу запрашиваетъ 2 р. 50 к. — 3 р. 50 к., за гуся — 6—8 р. Съ заявленной цѣны она не уступитъ ни одной копейки.

— Вотъ ежели сахаркомъ заплатишь, тогда дѣло другое, тутъ можно и уступить.

И крестьянка уступаетъ за 2—2½ фунта сахару курицу и за 4—5 фунтовъ гуся.

Тифлисъ. Мѣновая торговля приобрѣла права гражданства.

Индѣйку, стоящую на рынкѣ 12 рублей, предлагаютъ въ обмѣнъ за 10 фунтовъ сахара.

Труднѣе всего придется тѣмъ, кто имѣетъ — лошадь.

Какимъ образомъ можно размѣнять одну живую лошадь на 10 фунтовъ сахару, двѣ пары ботинокъ, полпуда муки и три фунта гвоздей?

Не пора ли пересмотрѣть и приспособить къ властнымъ запросамъ жизни знаменитый задачникъ Евтушевскаго.

Эпидемія.

На все своя мода.

Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія много толковъ вызываетъ случай, прішедшій съ новымъ директоромъ департамента общихъ дѣлъ этого вѣдомства А. П. Даевымъ:

А. П. Даевъ явился въ качествѣ представителя министерства на засѣданіе бумажнаго комитета, председателемъ котораго состоитъ членъ Государственнаго Совѣта Е. Л. Зубашевъ. Обходя присутствовавшихъ и здороваясь, А. П. Даевъ протянулъ руку находившемуся въ залѣ бывшему профессору томскаго университета М. П. Рыбалкину. Последній откачался отъ рукопожатія, заявивъ, что онъ не можетъ подать руки А. П. Даеву, какъ виновнику вынужденнаго оставленія имъ, Рыбалкинымъ, кафедръ въ Томскѣ.

А еще говорятъ, что мы, русскіе, любимъ рукоприкладствовать!..

Веселые дни Расплюева.

Въ день годовщины харьковскаго университета проф. Н. Ф. Сумцовъ вспоминаетъ про положеніе профессоровъ харьковскаго университета въ недавнее время, въ 80-е годы.

Проф. по исторіи русскаго права И. И. Дитятинъ уволенъ безъ прошенія за непочтительный отзывъ на лекціи о реакціонномъ публицистѣ-редакторѣ „Московск. Вѣд.“ М. Н. Катковѣ.

Профессоръ политической экономіи ректоръ Г. М. Цѣхановскій получилъ выговоръ за то, что на лекціи говорилъ о Карлѣ Марксѣ.

Профессоръ гражданскаго права А. И. Загоровскій получилъ замѣчаніе за диссертацию о разводѣ, потому что разводиться не гдится — супругамъ надо вмѣстѣ жить.

Профессоръ философіи Ф. А. Зеленогорскій получилъ выговоръ за Руссо и Спенсера и за выраженіе „сущность души неизвѣстна человѣку“.

Профессоръ русскаго языка А. А. Потенія получилъ выговоръ за домашнія чтенія о пословицѣхъ и баснѣхъ.

Очевидно, начальство пришло къ выводу, что ученики Потенни — соловьи, которыхъ баснями нельзя кормить...

Профессору русскаго языка П. Буцинскому министръ народнаго просвѣщенія Боголѣповъ въ актовомъ залѣ въ присутствіи всего совѣта преподавалъ наставленіе, какъ онъ долженъ читать исторію.

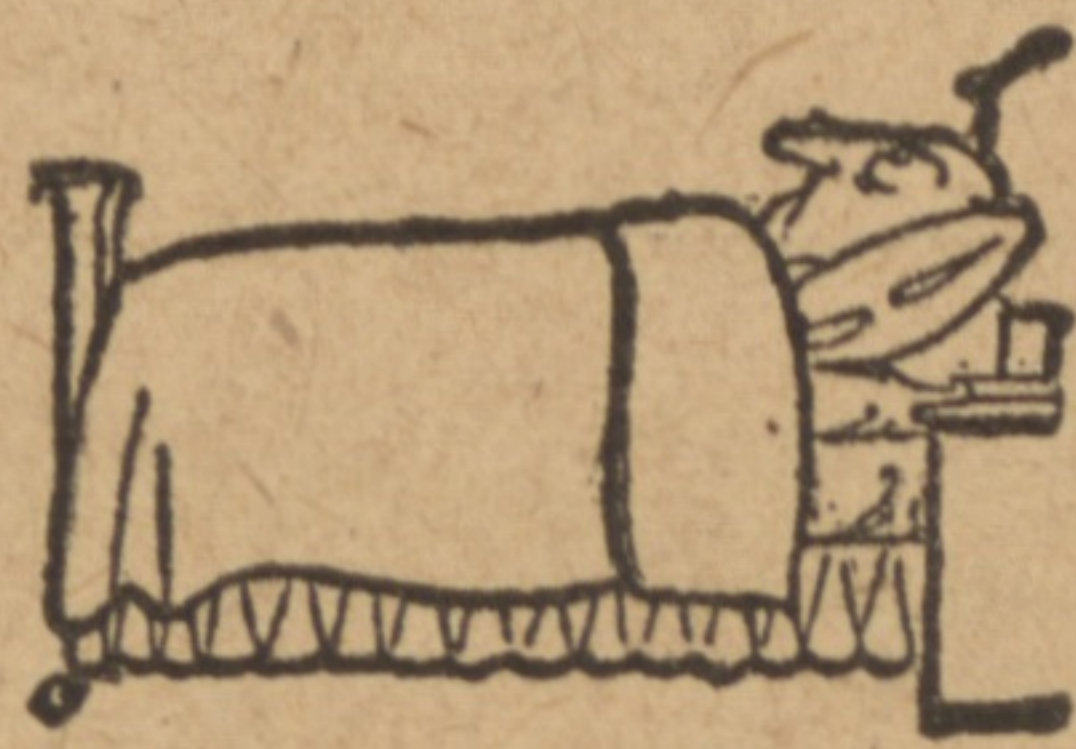
Профессоръ русскаго языка Д. И. Багалѣй получилъ выговоръ за напечатанный имъ въ „Ларьк. Губ. Вѣд.“ некрологъ Н. И. Костомарова.

И при этомъ ни одинъ профессоръ не возмутился и не заявилъ открыто и прямо:

англійскій рисунокъ).

16) — О, Боже! Что у меня за видь!.. Какъ я измѣнился...

17) Уснулъ.

18) И во снѣ...

19) — Оя, тяжко мнѣ!

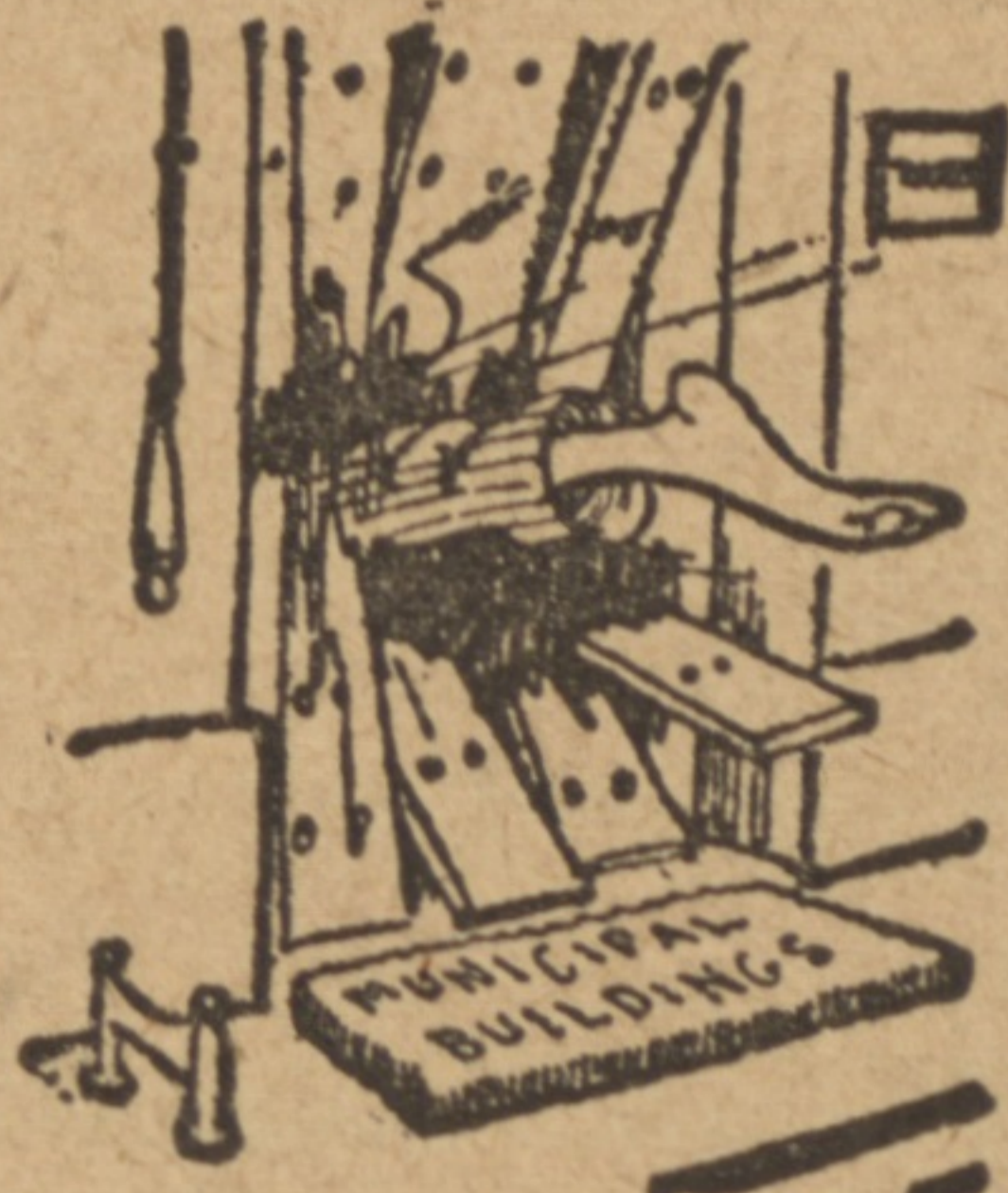
20) — Везуміе и ужась!

21) — Не могу больше!

22) — Скорѣй въ управленіе по подоходному налогу!

23) — Вотъ, кажется, и дверь.

24) — Гдѣ тутъ мой списокъ?

25) — Вотъ онъ!

26) — Исправимъ его!

27) — Ура! Прибавилъ ноль. Теперь вѣрно.

28) Триумфъ честнаго челоуѣка.

29) И какъ спокойно спится!..

— Что вы насъ за мальчишекъ считаете, что ли? Зато, наоборотъ, мальчишки, если ихъ дома сѣкли, негодующе возмущались:
— Что вы насъ харьковскими профессорами считаете, что ли?

Почествовали.

Есть сортъ людей, который даже Пушкинскій юбилей отмѣтитъ тѣмъ, что выпуститъ брюкодержатели „Пушкинъ“ или какой-нибудь „Пушкиноль — лучшее при запорахъ и катаррѣ желудка“...

Въ Москвѣ общество имени Островскаго чествовало память Надсона за день до 30-лѣтія. Былъ объявленъ литературный вечеръ въ большой ауд торіи политехническаго музея, при чемъ программа пестрѣла цѣлымъ рядомъ крупныхъ именъ, что и способствовало быстрой продажѣ почти всѣхъ билетовъ.

Однако, на самомъ концертѣ послѣ прочтенія артистомъ Можухинимъ трехъ стихотвореній Надсона, артисты стали импровизировать, выступая передъ публикой съ номерами, никакого отношенія къ памяти поэта не имѣющими. Публика стала шикать, шумѣть, но скорѣй успокоилась, ожидая да вѣнѣйшей программы. Послѣ антракта, передъ аудиторіей появился „квартетъ лапотниковъ“, который исполнилъ произведенія, ничего общаго съ Надсономъ не имѣющія. Среди публики начались болѣе энергичные протесты, которые вылились въ крупный инцидентъ, завершившійся вмѣшательствомъ полиціи.

Мы не думаемъ, чтобы этотъ удивительный „квартетъ лапотниковъ“ исполнялъ стихотворенія Надсона.

Насколько намъ извѣстно репертуаръ лапотниковъ — сильно патріотическій:

Французамъ не уважимъ,
Мы имъ себя покажемъ,
Канканъ пропляшемъ такъ,
Что всѣмъ носы утремъ...
Егарки-матыгарки... и т. д.

Почествовали покойника.

Чудеса электротехники.

Иногда за излишнюю любовь къ яркому освѣщенію можно тяжело пострадать:

Какъ сообщаетъ „Касп.“, извѣстный бакинскій миллионеръ Мансуровъ приговоренъ къ четыремъ мѣсяцамъ тюрьмы за кражу электрической энергіи.

Очевидно, энергія эта была направлена совсѣмъ не туда, куда нужно.

Такъ не цѣнять у насъ въ Россіи энергичныхъ людей.

Работа на оборону.

Изъ „Бирж. Вѣдомостей“.

Извѣстное воззваніе берлинскаго коменданта, обратившагося къ населенію съ предложеніемъ добровольно стать на работы по очисткѣ улицъ отъ снѣга, встрѣтило сочувственный откликъ среди ряда знатныхъ дамъ. Дамы вышли на улицы съ лопагами въ рукахъ и усердно работали надъ очисткой улицъ. Среди нихъ находилась жена одного „знаменитаго генерала“.

И ужаснѣе всего для нѣмцевъ, что, въ концѣ концовъ, ихъ все-таки, несмотря на метущихъ улицы женъ знаменитыхъ генераловъ — побѣдятъ.

Крокодиловы слезы.

Кто бы могъ подумать, что у германскаго посла въ Америкѣ графа Бернсторфа глаза на мокромъ мѣстѣ:

Копенгагенъ. Изъ Нью-Йорка телеграфируютъ, что германскій посолъ графъ Бернсторфъ расплакался, когда ему былъ возвращенъ паспортъ и было предложено покинуть Соединенные Штаты.

Обидѣли дѣтку злые дяди.

Взялъ онъ паспортъ и, обиженно шмыгая носомъ, побрель восвояси.

ЗИМНИЕ ХОЛОДА ИЛИ — ГОЛЬ НА ВЫДУМКИ ХИТРА.

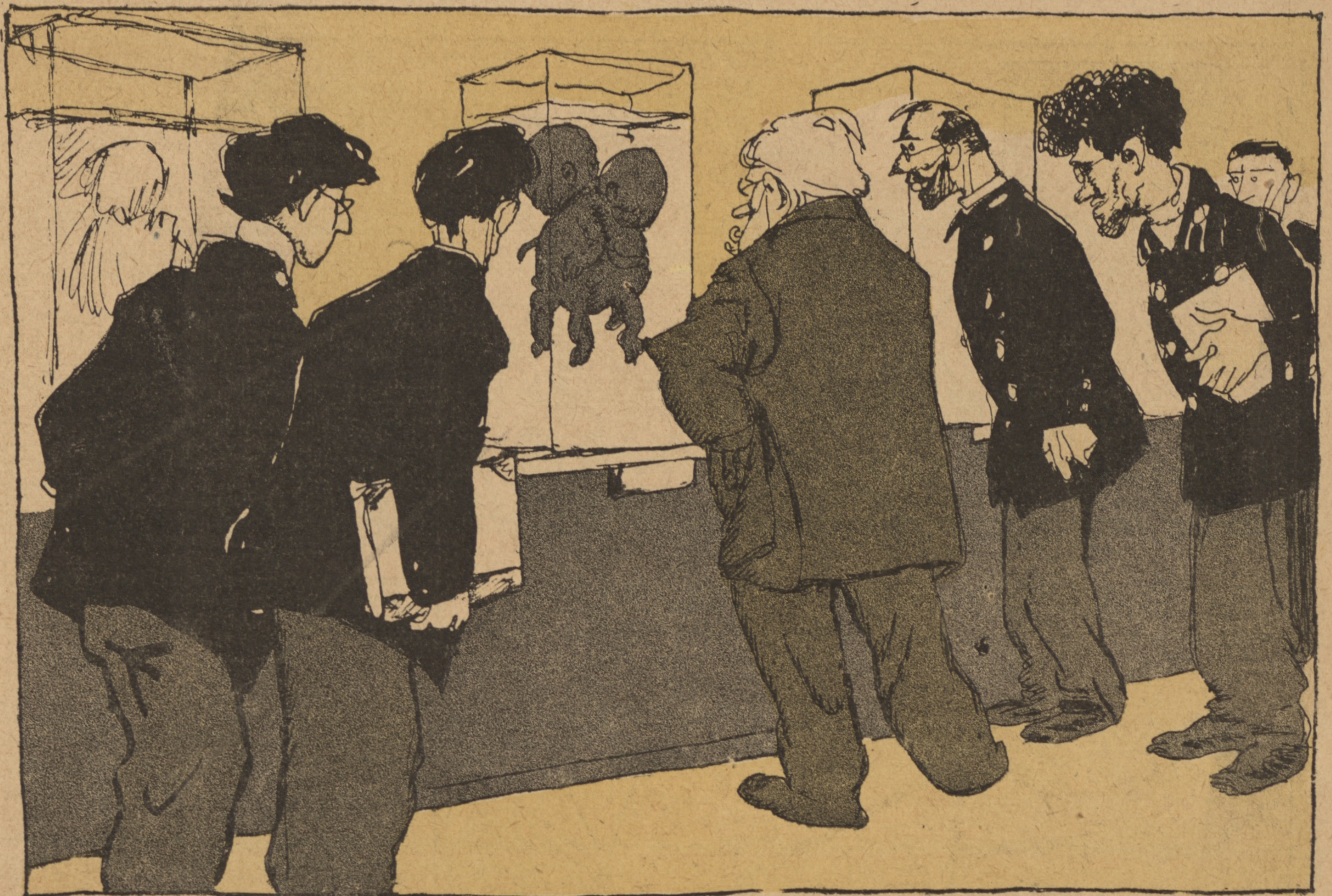
— Скажите, почему эти родственники собрались со всѣхъ концовъ города къ постели умирающаго? Они его такъ любятъ, или просто ждутъ отъ него наслѣдства?

— Ни то ни другое. Просто у него держится очень высокая температура, и они собираются, чтобы погрѣться около него.

ВЫРОЖДЕНІЕ МИЛЛІОНЕРОВЪ.

Въ Московскомъ Большомъ театрѣ состоялся спектакль, сборъ съ котораго достигъ 72.000 рублей. Ложи продавались по 450 рублей, кресло перваго ряда по 140 рублей. (Изъ газеты.)

Рис. Б. Антоновскаго.

I. Въ анатомическомъ театрѣ можно видѣть дегенератовъ въ банкахъ.

II. А въ Большомъ оперномъ театрѣ — дегенератовъ изъ банковъ.

Рис. К. Гюса.

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

ВЪ НОГУ СЪ КУЛЬТУРОЙ И ТЕХНИКОЙ.

— Ты видишь этого актера? Онъ имѣетъ ошеломляющій успѣхъ! Раньше восторженная толпа выпрягала лошадей изъ его экипажа, потомъ стала выливать бензинъ изъ автомобиля, а теперь, совсѣмъ недавно, толпа вывинтила пропеллеръ изъ его аэроплана!..

А. Петроградъ.

С. М. Б. (Черненькому). — „У меня можетъ быть, нѣтъ словъ, — пишетъ Черненькій. — но зато внутри кипитъ много чувства“.

А словъ, дѣйствительно, нѣтъ:

„Зачѣмъ ты смотришь такъ на меня, Будто я уродецъ какой. Не смѣй же такъ сморгать на меня, Съ миной ужасной такой“.

Въ виду того, что внутреннее кипѣніе чувства не можетъ быть набрано наборщиками и оттиснуто на бумагѣ — мы принуждены отказаться отъ наружнаго выраженія внутренняго чувства, въ той формѣ, какую вы избрали.

Агну Супостатову. — Отрывокъ изъ разказа:

„...Микушинъ вынулъ папиросу, всунулъ ее мундштукомъ въ ротъ, потомъ чиркнулъ спичкой, приложилъ ее къ другому концу папиросы и, когда папироса загорѣлась, сталъ съ наслажденіемъ втягивать въ себя табачный дымъ...“

Вотъ какъ оно дѣлается! А мы не знали.

Къ сожалѣнію, описаніе не совсѣмъ подробно. Не указано: 1) обо что Микушинъ чиркнулъ спичкой, 2) куда онъ потомъ положилъ обгорѣлую спичку и 3) въ чей ротъ онъ всунулъ папиросу.

Просимъ, въ виду нашего нетерпѣнія, сообщить телеграфно.

Б. Дѣйствующая Армія.

Инженерно-технической отдѣлѣ. — Технику Шуцманъ. — Книга Лидіи Лѣсной называется „Аллея Причудъ“, издательство „Прометей“. Первое изданіе распродано. Кажется, печатается второе.

В. Москва.

Н. Вороговъ. — „Леся жила въ четвертомъ этажѣ, считая (?) снизу“.

Какой странный счетъ... А мы думали, нужно считать сбоку.

Разсказъ скомканъ.

И вами, и нами.

Ave.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ ?

ВЪ РЕСТОРАНѢ И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельныя кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 ч.в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 64. — Телефонъ 644—56.

Выпущающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб., за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Юмористическіе альманахи „Новаго Сатирикона“ при участіи авторовъ.

А. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, Евг. Вѣнскаго, Исид. Гуревича, Е. Дольскаго, О. Дымова, Г. Ландау, О. Л. Д'Ора и Тэффи. Иллюстраціи художниковъ А. Радакова, В. Лебедева, Ре-ми и А. Юнгера. Обложки работы художника Ре-ми.

- 1) Осинový колъ на могилу зеленого змія. Цѣна 1 р. 50 к.
- 2) Теплая компанія (Съ кѣмъ мы воюемъ). Цѣна 1 р. 25 к.
- 3) Письмовникъ „Нов. Сатирикона“ съ приложеніемъ самоучителя танцевъ и танцевальн. разговоровъ. Цѣна 1 р. 25 к.
- 4) Физиологія и анатомія человѣка съ приложеніемъ психологіи человѣка. Цѣна 1 р. 50 к.
- 5) Всеобщая исторія, обработанная Сатириконцами. Цѣна 1 р. 50 к.
- 6) „Вѣотникъ Знанія Новаго Сатирикона“. Цѣна 1 р. 50 к.

1-я премія

ВСЕЛЕННАЯ и ЧЕЛОВѢЧЕСТВО

при участіи и под редакціей
маститыхъ сатириконцевъ.

Солидное, фундаментальное изданіе.

2-я премія

- 1 ориг. картина РЕ-МИ (въ краскахъ).
- 1 оригинальная картина А. РАДАКОВА (въ краскахъ).

Сюжеты этихъ картинъ настолько захватывающіи, что мы боимся ихъ сейчасъ опубликовать: сейчасъ же другіе захватятъ...

- 2 рисунка МИССЪ (силуэты въ красочныхъ медальонахъ.)

Нѣсколько правдивыхъ словъ по поводу.

.. Это былъ пылкій восторженный человекъ, и конторщику конторы „Нов. Сатириконъ“ приходилось дѣлать большія усилія, чтобы умѣрить его пылъ.

Сначала, когда онъ пришелъ подписываться на журналъ, конторщикъ отнесся къ нему официально. Но разговоръ, послѣдовавшій за процедурой подписки, очень взволновалъ скромнаго невозмутимаго конторщика.

Пишущій эти строки подчеркиваетъ скромнаго, потому что этимъ качествомъ отличается вся контора „Нов. Сатирикона“ отъ конторскихъ мальчиковъ до бухгалтера и главноуправляющаго включительно, не говоря ужъ о редакціи, редакторѣ и сотрудникахъ.

Такимъ образомъ, реплики скромнаго конторщика являлись какъ бы отраженіемъ, отблескомъ всеобщей ошеломляющей скромности.

Пылкій подписчикъ (получивъ подписной билетъ, общительно): Прекрасный вашъ журналъ, не правда ли?

Скромный конторщикъ: — Ну, вы скажете тоже... Самый обыкновенный журнальчикъ.

Пылк. подп. — Это мнѣ нравится! Онъ говоритъ „обыкновенный“! „Журнальчикъ“! Милостивый государь! Просто въ васъ не живетъ восхищеніе, преклоненіе передъ прекраснымъ!

Скромн. конт. — Съ чего вы это взяли? Я не понимаю, что вы находите въ журналѣ особенно замѣчательнаго?

Пылк. подп. — И это говорите вы! Знайте же, что я не встречаю въ Россіи журнала лучше вашего! Да и за границей очень многіе могутъ конкурировать съ нимъ.

Скромн. конт. — Ну, это вы ужъ хватили! Ничего подобнаго.

Пылк. подп. — Ничего подобнаго?! Такъ вы слѣпорожденный

кротъ послѣ этого! Разворачиваешь журналъ и удивляешься: откуда въ наше подлое время столько веселья, благородной бодрости и свѣжести?! Какое отсутствіе усталости; какая избрѣтательность въ отысканіи новыхъ формъ. Ваши „Волчьи я...“

Скромн. конт. (силаясь бороться противъ стремительнаго потока): — А вотъ насъ недавно судили... Развѣ это хорошо? Очень плохо.

Пылк. подп. — Такъ не вы же судили, а васъ. Вы здѣсь не при чемъ! И потомъ, это только доказываетъ, что вы не задумываетесь громко сказать то, что считаете правдой!!

Скромн. конт. (со вздохомъ): — Теперь стали задумываться

Пылк. подп. — И прекрасно! Задумчивость такъ хороша иногда на веселой оживленной физиономіи. Вашъ редакторъ, навѣрное, очень хорошій человекъ?

Скромн. конт. — Ну, знаете ли (оглядывается), я бы этого не сказалъ.

Пылк. подп. — Не сказали бы? Вы потому и не сказали бы, что безтолковость есть свойство, всосанное вами съ молокомъ матери. Я вижу — совершенно напрасно потратилъ съ вами четверть часа! Что касается лично васъ, то я скажу: журналъ прекрасный, но и на солнцѣ есть пятна! Прощайте, постное масляное пятно!

И онъ, не простившись, взволнованный, убѣжалъ.

Скромный конторщикъ пожалъ плечами и сконфуженно обратился ко мнѣ, безмолвному свидѣтелю разговора.

— Не могъ же я хвалить журналъ. Это было бы не солидно...

— И вы правы, — согласился я. — Къ чему реклама, когда подписчики должны подписываться, просто основываясь на логикѣ.

Вечеръло.

52 НОМЕРА обильно иллюстрированнаго рисунками и карикатурами журнала.

1 БОЛЬШОЙ ТОМЪ „Вселенная и Человѣчество“.

4 КАРТИНЫ, изъ нихъ дѣль исполненныя по способу трехцвѣтной печати,

ИМЕННО:

2 КАРТИНЫ Ре-ми и А. Радакова.

2 КАРТИНЫ (силуэты въ красочныхъ медальонахъ) Миссъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1 годъ безъ доставки 10 рублей; съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ — 11 руб.; на 1/2 года — 5 руб. 50 к.; на 1 мѣс. — 95 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 руб., 1-го мая 3 руб., 1-го сентября 3 руб.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ 59-07.

Редакторъ: Аркадій Аверченко.

Издатель: Т-во „Новый Сатириконъ“.

ВСѢ ДОРОГИ ВЕДУТЪ ВЪ РИМЪ.

Рис. В. Л.

На воровскомъ жаргонѣ — „засыпался“,
значитъ — попался.

Банкиръ: — Ой! я уже совершенно засыпался.

Жуликъ: — Ой! засыпался.

Засыпались оба.